СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ТЕМАТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

Фролова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры цифровой журналистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: t_frolova@bk.ru, ORCID 0000-0003-1561-6169

СОЦИАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Социальная журналистика, еще десятилетие назад недостаточно легитимная как теоретическая категория и дискриминируемая как контент-стратегия на практике, сегодня занимает прочное место в публичном дискурсе. Среди популярных и востребованных аудиторией тем выделяются экзистенциально важные проблемы, отражающие опыт повседневности в ситуации обострения глобальных вызовов. Мотивы расширения границ гуманитарной информационной повестки (как продукта социальной журналистики) на протяжении двух десятков лет различны, как разнообразны и ее тематические направления. Плотность вовлечения реалий повседневности в содержание медиа настоятельно диктует принятие конкретных решений, которые прямо влияют на развитие общественного потенциала. Это обстоятельство требует более глубокого осознания теоретических истоков социальной журналистики и концептуально обоснованных оценок ее постсоветского пути. В статье представлены итоги развития социальной журналистики за двадцатилетний период, названы новые явления и процессы последнего десятилетия, обозначены точки пересечения основных тематических повесток на фоне кардинальных изменений условий развития журналистики и «пересборки» отечественной медиасистемы.

Ключевые слова: *социальная журналистика, гуманитарная медиаповестка, медиаконтент, секвестирование, диффузия, генерализация.*

Как цитировать: *Фролова Т. И.* Социальная журналистика: двадцать лет спустя // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2023. № 6. С. 118–146. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2023.118146

Tatyana I. Frolova, Doctor of Philology, Professor at the Chair of Digital Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: t_frolova@bk.ru, ORCID 0000-0003-1561-6169

SOCIAL JOURNALISM: TWENTY YEARS LATER

Social journalism, which a decade ago was insufficiently legitimate as a theoretical category and discriminated against as a content strategy in practice, today occupies a strong place in public discourse. Among the topics, which are popular and in demand by the audience, existentially important problems are highlighted, reflecting the experience of everyday life in a situation of aggravation of global challenges. The motives for expanding the boundaries of the humanitarian information agenda are different, as are its thematic areas as a product of social journalism. The density of the involvement of everyday realities in the content of the media strongly dictates the adoption of specific decisions that directly affect the development of public potential. This circumstance requires a deeper understanding of the theoretical origins of social journalism and conceptually sound assessments of its post-Soviet path. The article presents the results of the development of social journalism over a twenty-year period, names new phenomena and processes of the last decade, identifies the points of intersection of the main thematic agendas against the background of cardinal changes in the conditions for the development of journalism and the "reassembly" of the domestic media system.

Key words: *social journalism, humanitarian media agenda, media content, sequestration, diffusion, generalization.*

To cite this article: Frolova T. I. (2023) Sotsial'naya zhurnalistika: dvadtsat' let spustya [Social Journalism: Twenty Years Later]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika 6*: 118–146. 10.30547/vestnik.journ.6.2023.118146

DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2023.118146

Введение

Турбулентность как ключевая характеристика текущего состояния общественно-политических отношений в мире ставит вопрос о содержании, смыслах, направленности медиаконтента в центр научных дискуссий, привлекает внимание к оценке основных тематических повесток. Общепризнано, что человечество переживает беспрецедентный момент в истории, когда кризисы накладываются друг на друга и человек не чувствует себя в безопасности. Гуманитарные показатели во всем мире снижаются два цикла подряд, они приблизились к значениям 2016 г. Примем во внимание также глобальное обострение аксиологического дискурса; размежевание и антагонизм ценностей в больших и малых социальных

группах, утрату доверия в мировом масштабе. Но также общепризнано, что деятельность человека становится доминирующей силой, формирующей планету.

Неопределенность в эпоху антропоцена

В этих условиях традиционные подходы к конструированию информационных потоков, типовые схемы содержательной структуры наиболее общих и значимых для аудитории СМИ претерпели изменения. Наше намерение подвести итоги развития одной из основных тематических повесток не может осуществиться без учета названных обстоятельств, вне обращения к отечественному медиаконтенту в целом. Контекст требует как внимания к истории социальной журналистики последних десятилетий, так и суждений прогностического характера с включением данной тематики в более широкий круг реалий человеческой повседневности.

Научную проблему, в границах которой предпринята попытка анализа и обобщения результатов развития социальной журналистики за двадцатилетний период, мы видим в необходимости обозначить новый взгляд на состояние отечественного медиаконтента, изменения которого, вызванные глобальными вызовами последних лет, проявили себя со всей определенностью. В русле такой потребности мы рассматриваем движение одной из основных тематических повесток – гуманитарной, оформившейся как результат утверждения и развития социальной журналистики за десятилетия постсоветской эпохи. В более широком контексте осознается возможность и необходимость наметить моменты взаимосвязи и обусловленности новых явлений в содержании отечественных СМИ в целом.

Мы обозначаем основные тенденции развития социальной журналистики, сопоставив их с начальным этапом и проследив значимые изменения в ее контент-стратегиях; статья носит обзорно-теоретический характер и представляет собой ретроспективный взгляд на историю становления и развития одной из основных тематических медиаповесток.

Контексты и достижения

Опорной теоретической конструкцией для нас служат научные работы в области медиа (системные исследования, принципы и функции, типология СМИ) и смежных наук – социологии, поли-

тологии, социальной психологии, аксиологии. Концепция современной социальной журналистики и ее продукта – гуманитарной медиаповестки – в основных контурах оформилась на рубеже тысячелетий и в последующие годы в трудах ряда исследователей (Фомичёва, 2002; Дзялошинский, 2006; Бережная, 2009; Фролова, 2015). Не всегда совпадая в ключевых определениях («социальная журналистика», «журналистика соучастия», «партисипаторная журналистика»), концентрируя внимание на различных аспектах феномена, эти авторы акцентировали главное: аудитория и практическая журналистика нуждаются в развернутом медийном оформлении и укреплении глобального «антропологического поворота», существенно актуализированного внутренними социально-политическими реалиями. Не оставим без внимания и работы исследователей, сконцентрировавшихся на разработке общих проблем развития медиасистем, содержания, представлений о различных тематических повестках, их свойствах (Вартанова, 2009; 2019; Иваницкий, 2010; Корконосенко, 2010; Казаков, 2015; 2019; Корконосенко (ред.), 2016; Колесниченко, 2018; Коломиец, 2020; Смирнова (ред.), 2021; Фролова (ред.), 2021; Свитич, 2022); приветствуем складывающееся направление аксиологии медиа (Сидоров (ред.), 2012; Лазутина (ред.), 2013; Сидоров, 2016; Антропова, 2022), а также исследования о локальных сегментах гуманитарной медиаповестки и методах ее реализации (Иванян, 2007; Баутина, 2009; Миронова, 2017; Чепкина, 2018; Стебловская, 2019; Стрига, 2021; Гатилин, 2022). Названные авторы разработали принципы и функции социальной журналистики, общую структуру медиаповестки, описали технологические особенности направления, ввели понятия медиатранзита и медиакарьеры социальной проблемы, обозначили роль персональных достижений ведущих журналистов темы. В настоящем обзоре использованы мониторинг ведущих российских СМИ и систематическое наблюдение, анализ проведенных ранее исследований. В обработке данных использовались также методы сравнения и типизации.

Исторические предпосылки: «сопечалиться и совеселиться человеку»

Учитывая концепцию статьи и ее обзорный характер, поясним обращение к краткому историческому экскурсу: безусловно, история отечественной журналистики хорошо разработана, однако

многие ее аспекты, современный взгляд на различные реалии прошедшего времени, формирование национальных профессиональных технологий и многое другое еще ждет своих исследователей. Такова и социальная журналистика. Как самостоятельное направление, оформившееся 20–25 лет назад (т. е. исторически недавно), она имеет глубокие генетические корни в русской культуре. Уместно вспомнить М. В. Ломоносова с его идеей «сохранения и размножения российского народа» (2011: 16); утверждение Н. А. Бердяева о том, что «человечность лежала в основе всех русских социальных течений XIX века» (1971: 90). Не исключение и журналистика. Национальная традиция человековедения в ее медийном воплощении опирается на гуманистическое начало (Корконосенко, 2010), во все эпохи присутствовавшее в духовном творчестве, включая журналистику, обусловливая и формируя конкретные исторические формы гуманитарной повестки. Наличие в культуре и журналистских практиках прошлого богатого нравственного и профессионального потенциала позволяет увидеть истоки, предопределившие возникновение современной социальной журналистики как особой области профессиональной журналистской деятельности. В дореволюционной, советской и постсоветской журналистике обнаруживаются весьма ценные продуктивные элементы, легшие в основание современной социальной журналистики.

Не имея возможности представить их детально, отметим наиболее важные вехи: создание образа «маленького человека» в литературе; «физиологический очерк», «натуральная школа», «проклятые вопросы»; особый тип социального журнала, в котором присутствовали «зерна» всех современных представлений о социальных отношениях; расцвет благотворительных изданий; высочайшие стандарты русского репортажа (Есин, 1985; Горчева, 2013). Советское время и советская журналистика, вопреки господствующей идеологии, также сформировали и оставили в культуре и сознании общества немало ценных начал. В повседневной жизни получили развитие многие важные для формирования гражданского общества черты: социальная защищенность, взаимоуважение, личная честность, достоинство и труд простого человека, справедливость, товарищеская ответственность, взаимовыручка и солидарность, искренность и дружеское бескорыстие в межличностных отношениях. Нельзя обойти вниманием и рабселькоровское движение, атмосферу почета и уважения к работающему человеку. Богатейшая отечественная

школа журналистики развивалась и обогащалась, несмотря на идеологические ограничения, она «прорастала» сквозь них (Стровский, 2001; Жирков, 2012; Минаева, 2016).

В эпоху гласности отражение человеческого пространства заметно расширилось: в поле зрения аудитории оказались области жизни, о которых раньше она имела слабое представление. Это чрезвычайно повысило социальный градус СМИ. Открытие новой проблематики сочеталось с заметно возросшей критичностью по отношению к окружающей жизни, резким размежеванием взглядов аудитории и лидеров мнений по поводу основных общественных ценностей. Закрепились неизвестные ранее тематические ниши, высказывалось наболевшее, начали обсуждаться острые социальные и нравственно-психологические проблемы. Деформации социальной сферы, обусловленные отживающими свой исторический век патерналистскими принципами, а затем и разрушением всей прежней системы социальных отношений в новых политико-экономических условиях, дали обильную пищу для публичных дискуссий. Человек и его связи в социуме стал на какое-то время центром общего внимания в медиапространстве.

Однако, когда наступили 1990-е, со всей остротой их экономических и политических проблем, интерес СМИ к социогуманитарной тематике резко снизился. В публичном дискурсе востребованными оказались политическая интрига и раздел собственности. Журналистика в целом, так много сделавшая для разрушения тоталитарного режима, оказалась неготовой к тому, чтобы выявлять и обсуждать далеко не простое течение человеческой повседневности, будничные драмы, которые неизбежно следуют за радикальными социальными изменениями. На первом Гражданском форуме резонно прозвучал вопрос: «Почему российские СМИ не видят ни граждан, ни общества?».

Представляя историческое становление и развитие социальной журналистики, следует подчеркнуть, что определенный культурный запас, национальная традиция «сопечалиться и совеселиться человеку» (Радищев, 1941: 54) в умах русской интеллигенции присутствовала всегда: и в те времена, когда лишь культура была убежищем для человека и его проблем, и в эпоху «героики будней», и даже в годы последней революции драма перемен оставалась в поле зрения небольшой группы журналистов-единомышленников (Социальная журналистика: антология возрождения, 2002). Именно они поставили вопрос о выделении социальной журналистики

в особую профессиональную специализацию и определили ее миссию в кризисном обществе – защищать человека, вселять надежду на преодоление тяжелого периода. Это время подробно представлено в трудах социологов, политологов, социальных психологов (Шевцова, 1998; Гонтмахер, 2000; Рывкина, 2001; 2004; Заславская, 2002; 2004; Осипов, 2002; Жуков, 2003). И тогда, и тем более сегодня в социально-антропологическом аспекте оно оценивается критически и помогает понять становление и развитие российской журналистики, в особенности ее человековедческого профиля.

Характеристика основных этапов развития социальной журналистики

1990-е – начало 2000-х гг. Характеризуя конкретные журналистские практики российских СМИ этого периода, приходится говорить о преобладании манипулятивных, негативистских контент-стратегий в журналистике при обращении к проблемам социальной сферы:

– депроблематизация – вытеснение и замалчивание социально-гуманитарной проблематики в публичной сфере;

– монологизация – отчет о «достижениях», информационная витрина заинтересованных лиц, средство укрепления авторитарных амбиций властных структур;

– редукция – упрощение социальных проблем; сведение процессов повседневности к банальностям, болезненным проявлениям; опошление реальности;

– негативизм – подмена деловой критики и конструктивного анализа бездоказательным отрицанием, эмоциональной негативистской риторикой, оппозиционностью всегда и во всем, тотальным несогласием, подчеркнутым отказом от диалога и партнерства;

– сенсационность – ориентация на материалы о чрезвычайных происшествиях без последующего анализа, смакование эротических деталей, «чернуха»;

– морализаторство – предпочтение текстов, основанных на прописных истинах, откровенное «чтение морали» в скучной, невыразительной, бесцветной форме; снижение позитива;

– дегероизация – отсутствие в СМИ образа героя времени: есть лидеры, но не герои; журналисты не хотят находить их в числе

нормальных людей; повышенный интерес к «отвязным» личностям сомнительного морального облика.

В целом контент-стратегии в 1990-х гг. и даже на рубеже тысячелетий отразили не только общественные перемены, но и растерянность общества перед их лицом; эти подходы можно охарактеризовать как реактивные, произвольные, малокомпетентные, катастрофичные, построенные на протесте, на идеологии выживания, а также на отсутствии выраженного противодействия политизации и коммерциализации гуманитарных начал. Едва ли правомерно вообще называть их стратегиями: в большей степени это были стихийно складывающиеся коммуникативные практики, неэффективные для решения острых социальных проблем. В СМИ превалировали тексты, говорящие об отсутствии в информационном поле человека как меры общественной трансформации. Это дорого обошлось обществу: люди в это время были не столько участниками реформ, сколько их жертвами, что не только замедлило процессы модернизации, но и привело к недопустимому уровню снижения качества жизни большинства россиян, что доказательно представлено в социологических исследованиях: почти все критически значимые показатели, запускающие разрушительные социальные процессы, были ощутимо превышены (Осипов (ред.), 1999).

Об этом немало сказано и в научных исследованиях журналистики: «Приняв с готовностью вызовы коммерциализации, коммерческая модель СМИ вытеснила многие социально и культурно важные для общества “повестки дня”, став активно продвигать новую культуру потребления» (Вартанова, 2013: 23); «многие СМИ продолжают быть либо сервильными, либо коммерческими и культивируют скорее пороки и агрессию, чем доброславие, взаимопомощь, жизнелюбие и миролюбие» (Свитич, 2013: 75); С. Г. Корконосенко, выражая неудовлетворенность содержанием СМИ, ставит вопрос об «асоциальности прессы» (1998); функция общественного служения, по мнению В. Л. Иваницкого, журналистикой России в то время «практически утрачена», отчего потеряли все – власть, государство, общество. Налицо «низкий уровень профессионализма, катастрофизм в информационной повестке дня, непонимание реальных нужд граждан, нежелание отстаивать национальные ценности <...> продажность» (2010: 6–7).

Характеризуя редакционную политику отдельных типов и групп СМИ того времени, точнее их гуманитарные контент-модели,

мы обнаружили в практике газет разных типологических профилей смысловой вакуум. Качественная пресса, осознавая «тренды» и «вызовы», не выработала достаточных средств, соответствующих форматам изданий, чтобы обеспечивать полноту и выразительность картины социального бытия; она не считала гуманитарную проблематику равной среди равных. Массовая – более динамична и полнокровна в области поиска и предъявления реалий, но часто не считает нужным грамотно этим распорядиться и не дает качественного анализа. Не менее сложной была ситуация и на телевизионном экране (Бережная, 2009), формально наполненном острой социальной проблематикой; качество и эффективность передач, однако, не были высокими: большая часть проблем либо забалтывалась в «народных» ток-шоу, либо привлекала зрителя низкими бытовыми сюжетами. Происходит замещение потребности суррогатными информационными продуктами. Как общий проблемный контекст можно выделить неразвитость качественных профессиональных технологий социальной журналистики в ее новом статусе.

Однако будем справедливыми в оценке социальной журналистики прошедшего времени. Осознание ее важности и значимости, как и постепенное понимание принципиально нового смысла и содержательной наполненности, также начинается в 1990-е гг., но лишь в ограниченной среде журналистов-единомышленников. Лидирующие позиции, вопреки ожиданиям, здесь заняли информационные агентства: Агентство социальной информации[1] и РИА «Новости»[2] с его многочисленными социальными проектами («Социальный навигатор» продержался до недавнего времени). «Адреса милосердия» на радио стали лидировать в благотворительной тематике. Наиболее качественный контент, хотя и не очень объемный, представили общественно-политические журналы-еженедельники, позже он нашел замечательное продолжение в новостных журналах, и прежде всего в «Русском репортере», новом «Огоньке». «КоммерсантЪ», в целом представляя довольно слабый гуманитарный контент, основал благотворительный проект «Русфонд», ставший явлением в истории отечественной культуры филантропии и корпоративной социальной ответственности. Телевидение также дало отличные образцы гуманитарной повестки и социальных проектов: фандрайзинговые телемарафоны, просветительские проекты, подобные «Среде обитания», развлекательная качественная передача «Пока все дома», несколько

аналитических программ, первые ток-шоу социальной направленности. Наконец, образовалось Общественное телевидение России, встреченное медиакритикой сначала недружественно («Это точно то, о чем мы мечтали?»), но успешно развивающееся. Образцы были, но не они делали погоду в социальной журналистике того времени.

Собственно технологический аспект в развитии социальной журналистики хотелось бы подчеркнуть особо: «Можно как угодно призывать к высоким ценностям, но, если эти ценности не закреплены в системе продуцирования, распространения, тиражирования массовой информации, если нет технологических средств для этой цели, гуманизм остается вещью в себе» (Горохов, Гринберг, 2003: 25). Повторим: человеческая повседневность востребована аудиторией всегда, этот «микромир» («<...> есть фабрики, заводы, сельскохозяйственные, торговые ячейки, но на этих заводах и фабриках, в этих ячейках работают люди <...> самолеты сами не летают, поезда и автомобили сами не ездят, дороги сами не строятся – все это осуществляют люди» (Барулин, 2007: 265)) не может не привлекать аудиторию, если не сводить его к протекающим крышам и т. п. И это в первые постсоветские десятилетия, вскоре после снижения остроты политической и экономической тематики, было довольно быстро осознано медиапродюсерами как наживка для аудитории: не «политика», не «коммерция», но политизация и коммерциализация как контент-стратегии заполнили информационные каналы гуманитарным содержанием невысокого качества, часто построенным на эксплуатации инстинктов, – в информационных программах, в телевизионных сюжетах, в массовой прессе. Особую роль в этом процессе сыграла неразвитость современных профессиональных технологий, существенно тормозившая развитие качественной социальной журналистики (новые темы открылись, но как об этом сказать, как это показать?).

2000-е – первая половина 2010-х гг. Описанные выше стратегии не ушли в прошлое, однако их стали теснить другие, более адекватные потребностям времени. В тяжелые кризисные годы российское общество обрело бесценный опыт социальной адаптации. Начала складываться новая социальная реальность, в сознании россиян многое изменилось. Пришло понимание того, насколько важна социальная составляющая реформ и к чему привела недооценка субъективного фактора. Были публично признаны просчеты в социальной сфере. Миллионы тех, кто оказался за чертой

бедности, начали осознавать, что могли бы быть не объектом «социальной защиты», а субъектом политических и экономических реформ. В социальной сфере общественной жизни наметились позитивные сдвиги.

Здесь требуется сущностное уточнение. Повсеместно звучащие ссылки на политическое похолодание неточно и неполно характеризуют отношения социальные, социально-политические. Неправильно и недальновидно их отрицание: общество, люди, народ в целом развиваются и «взрослеют» естественным образом, извлекают опыт из своего существования, учатся гражданственности и саморазвитию, медленно и трудно, но неотвратимо обретают цивилизационную компетентность, преодолевают барьеры, усваивают принципы солидарности, взаимоуважения и гуманности – в этом, по сути, и состоит высокая миссия социальной журналистики. Глобальные ценностные ориентиры в этом непрерывном процессе у народов и сообществ различны, что порождает глобальные же конфликты, и не только «холодные».

В журналистике также произошло осознание негативных последствий отчуждения основной массы аудитории СМИ от характера и направленности массовых информационных потоков. Темы общества постепенно выходят на заметные позиции. Гуманитарная проблематика СМИ покидает границы традиционного понимания «социалки» как узкого тематического направления, связанного с помощью социально не защищенным слоям населения. Некоторые из новых журналистских практик вполне определенно обнаруживают позитивные черты новых стратегий:

– гуманизация новостного потока – расширение круга источников информации за счет развития информационных служб, укрепления специализированных агентств и изменения традиционных приоритетов, активного вовлечения блогосферы;

– реабилитация «нормальной жизни» – возвращение обновленных форм репортажно-очерковых жанров, свойственных отечественной журналистике и отражающих ее стремление к познанию социальности и человековедению; «спокойная этнография» (определение журнала «Эксперт);

– ситуативно-прагматический анализ – освоение новых реалий, выработка цивилизованных норм поведения; прагматика теснит «негативную риторику», придавая критике конструктивное звучание, стимулирует персональную активность;

– активизация аудитории – развитие интерактивных форм в виде писем и форумов, признание профессиональной ошибкой отказ от отделов писем и публичное извещение о невступлении в переписку; ресурсы Сети коренным образом изменили характер посланий, социальный и интеллектуальный облик авторов;

– оживление общественной экспертизы – поворот к диалогу и согласованию различных позиций, предъявление в различных формах имеющихся в общественном понимании уровней знания о конкретной стороне жизни общества, требующей осмысления и решения;

– открытие новых источников информации – появилось немало интересных подходов, сложившихся как следствие обращения к новым источникам и их доступности; обращение к большим данным;

– развитие дискуссионных площадок – экспертиза, развернутая во времени; представление общества о проблеме меняется в ходе самой дискуссии; обществу неизвестно решение – оно должно быть выработано в ходе дискуссии; вовлеченность большой аудитории в полемику позволяет видеть широкий контекст проблемы.

К этому перечню можно добавить распространение социальных расследований; развитие гражданской журналистики (пресса НКО, блогосфера); интенсификацию социального проектирования (гражданские инициативы, осуществляемые при непосредственном участии СМИ, благотворительные проекты и волонтерские программы); развитие корпоративного взаимодействия (конкурсы и специальные акции, образовательные программы в вузах). Основным результатом развития гуманитарной проблематики стал сам факт ее утверждения в информационном поле, признание ее легитимности, стремление уравнять в правах с другими тематическими направлениями.

Распространение в практике СМИ новых коммуникативных стратегий существенно изменило медийный ландшафт. Стало заметно, что пресса формирует информационное пространство, отражающее социальную сферу, человек и его жизнь перемещаются в центр информационных процессов. Это и означало, что в системе средств массовой информации заявила о себе новая область профессиональной журналистской деятельности – социальная журналистика, взявшая на себя заботу о развитии человека и сферы его повседневного бытия. Нарастив объемы публикаций, освоив

профессиональные стандарты качества, обретя творческое своеобразие, социальная журналистика продемонстрировала свою готовность к тому, чтобы стать площадкой для выработки новых социальных технологий, и стала отстаивать эту свою позицию[3] (Бережная, 2005; Севортьян (сост.), 2005; Новиков, Старостенков (ред.), 2008). Если обратиться к языку обществоведов, рекомендовавших для преодоления экзистенциального кризиса переходного периода «доступные обществу схемы интерпретаций: как именно понимаются и объясняются новые состояния, ставшие предметом чувств, переживаний, действий, дискуссий» (Штомпка, 2008: 475), то мы можем утверждать, что объясняющие схемы в российских СМИ не всегда были достаточными, но общество, пережившее социальную аномию 1990-х гг., смогло обрести «цивилизационную компетентность» и двигаться дальше, к устойчивому развитию.

Не все из названных коммуникационных стратегий сохранились в начальном виде; отчасти наметилось нарастание некоторых негативных тенденций, опять-таки в русле коммерциализации: снижение проблемности в аналитических по замыслу телешоу, нагнетание в них псевдоконфликтности и драматизации, стремительное размножение программ, эксплуатирующих «частный» интерес в далеких от профессиональной этики формах; очевидная постановочность целого ряда сюжетов; вымывание просветительского контента; сокращение проблемных и критических тем в новостном потоке; прекращение деятельности ряда интересных журналов по экономическим основаниям; потоки буллинга в Сети по отношению ко всем и вся. Сокращение тиражей прессы, сохранившей качественный контент в большей по сравнению с другими СМИ мере, также сказалось на общем состоянии медиаконтента и его гуманитарной составляющей. Отдельно отметим нарастание серьезных проблем в локальной прессе, закрытие районных газет, усилившееся давление на тех, кто еще держится на плаву. Понятно, что частично эти потери компенсированы бурным развитием цифровых коммуникаций, однако не все они могут быть признаны полноценными и достаточными; далеко не всегда «цифра» сразу же, вытеснив аудиторию серьезной качественной прессы в виртуальную реальность, могла предоставить ей достойную замену. Здесь уместно повторить, что не всякий гуманитарный контент гуманистичен, а значит, ценен и полезен аудитории: по предмету он может быть вполне «социальным», а по сути античеловечным, псевдогуманным – «попсой» (если позволить себе разговорное

обозначение), с далеко не безобидными для аудитории последствиями.

Вторая половина 2010-х – 2020-е гг. Обращаясь к сегодняшнему дню, мы считаем логичным выделить не только новые реалии и тенденции, но и подвести итог всему двадцатилетнему (или немногим больше) периоду развития современной социальной журналистики, а также ее взаимодействию с медиаконтентом в целом.

Новые стороны и характеристики нашего объекта предопределены серьезными изменениями политического, экономического, культурного свойства, которые отражены в политических документах и заявлениях, соответствующих научных исследованиях. Говоря о последних, следует указать на их текущий, «неокончательный» характер, это рефлексия оперативная, движущаяся, в силу чего опора на них весьма условна. И все же: мировой «антропологический поворот» (говорят и о «буме»), заявленный учеными-обществоведами и философами еще в 1970–1980-х гг. (Печчеи, 1985) и приведший к созданию и активному развитию Программы развития ООН с ее ежегодными (позднее двухгодичными) Докладами о человеческом развитии, обнаружил себя в России последнего десятилетия со всей определенностью. Выделим активизацию социальной политики в лице всех ее агентов (бизнес-сообщество и гражданские организации особо подчеркнем) и, что наиболее важно, кардинальную перемену в понимании значимости человека для общественного развития. Не занимая самых высоких мест в мировых гуманитарных рейтингах (в 2020 г. – 50-е место, в 2022 – 52-е в Докладе ООН о человеческом развитии) и занимая место в списке стран с «очень высоким уровнем»[4] развития – Россия все же постоянно повышает свое положение на лестнице социальных достижений, упрочивает качество человеческого капитала. Это, естественно, не означает, что поводы для тревог на этом направлении исчерпали себя. Однако есть повод и для некоторой удовлетворенности.

Примерно так же, предварительно, мы можем говорить и о сформировавшихся или только складывающихся новых процессах, явлениях, характеристиках социальной журналистики. Понятно, что события последних трех-четырех лет вносят свои коррективы в развитие журналистики и медиакоммуникаций в целом, осмысление которых не может быть завершенным: здесь мы хотели бы только обозначить наметившиеся тенденции на стыке тематических повесток и медиконтента в целом, о чем ниже. Что же

касается состояния социальной журналистики последнего неполного десятилетия, то наши соображения о новых тенденциях и контент-стратегиях, представленные далее в выделении основных проявлений, таковы:

– стабилизация гуманитарной повестки, обретение легитимности – уравнивание в правах, пусть и неформальных, с другими тематическими повестками мы считаем первоочередным фактором, обусловившим все другие проявления ее успешного развития; никто более не произносит тривиальную фразу прошлых лет о том, что «вся журналистика социальна», нет какой-то особой; и сужение, и неоправданное расширение гуманитарной повестки, ранее размывавшие ее границы вплоть до растворения в других тематиках, преодолено;

– кардинальное изменение приоритетов в составе функций – не теряя своей значимости, социальная защита уступает место развитию и выдвигает его на приоритетное место в контент-стратегиях СМИ; «выживание – защита – развитие» могут рассматриваться как ключевые точки этого пути, каждая из которых преобладает в зависимости от требований момента. В то же время можно констатировать новый цикл развития социальной журналистики последних лет, где функция защиты, вызванная чрезвычайными обстоятельствами, вновь востребована как первоочередная;

– цифровизация социальной журналистики – вовлечение аудитории в медиапроцессы стало глобальным и многофакторным; цифровая революция широко представлена в научных исследованиях и не нуждается в дополнительных комментариях; отметим, однако, что в различных тематических повестках и деятельности медиасегментов она проявила себя по-разному: в нашем случае привела к активизации гражданского сектора (в его «горизонтальном» ракурсе); своеобразному «открытию» социальной сферы для многочисленных общественных акторов; расширению тематики и значимости повседневности – список последствий может быть бесконечным;

– увеличение доли социальных тем в медиаконтенте – максимальное значение пришлось на 2014–2016 гг. (в традиционном понимании тематики «общество», «человек»): в этот период она количественно превысила объемы всех других повесток; в последующие годы менялся ее содержательный и идейный характер, наметилось сближение с другими повестками; общим правилом

стало рассматривать масштабные проблемы с неизменным вниманием к социальной стороне вопроса;

– усложнение методологии и презентации социальных проблем – невысокое качество продуктов долгое время тормозило развитие социальной журналистики; «ловушка повседневности» для многих авторов оказалась критическим испытанием и погубила не одну важную проблему; позже журналисты научились преодолевать тупики очевидности в социальных темах; возможности мультимедийности и ресурсы медиаплощадок выдвинули гуманитарную тематику в лидеры медиапотребления;

– вовлечение «первых лиц» в социальную проблематику – этот фактор заметно повысил внимание к ней, позволил «вписать» повседневность в политический и деловой дискурсы, обогатить профессиональные подходы; поднял неформальный статус;

– рост сетевых медиа гуманитарного спектра, принявших от НКО миссию участия – данный сегмент развивается особенно успешно; непростые отношения этих социальных институтов, долгое время не понимавших эффективности взаимодействия, преодолено: НКО питают СМИ эксклюзивом. В Сети немало медиапроектов, подчас узкопрофильных, которые реализуются любителями на вполне профессиональном уровне; их сеть покрывает множество гуманитарных тем и направлений, ранее не представленных в информационном пространстве;

– развитие «журналистики имен» распространилось на гуманитарную тематику – многие видные авторы нашли в этой тематической нише свое новое призвание и желание участвовать в реальной социальной практике, покинув политику и экономику; лидеры мнений в журналистике сделали громкие заявления на этот счет;

– оживление социального проектирования в контексте партисипаторности – в советской прессе организаторская активность была очень популярна, а затем была свернута в силу новых идеологических ориентиров; цифровая реальность «вернула в журналистику человека», по выражению популярного медиапроекта; активизация проектов, направленных на оптимизацию среды обитания, помощь ближнему, преодоление последствий чрезвычайных ситуаций и многое другое, развивалась на основе нового интерактива, но не только: эту нишу пытаются освоить локальные СМИ, городские порталы, корпоративная пресса;

– распространение организационных моделей, утверждающих приоритеты социальной журналистики – «социальная журналистика» как учебная дисциплина вошла в образовательные стандарты многих факультетов и отделений журналистики; в МГУ открылся целый учебный модуль, включающий 7 дисциплин. Конкурсы, фестивали, учебные проекты получили большое распространение.

Пожалуй, «ложке дегтя» в этом перечне также найдется место. Это судьба районных газет, весь контент и активность которых построены на местной гуманитарной повестке, в которой глубинная Россия отчаянно нуждается. В настоящий момент ситуацию можно оценить как критическую, но не фатальную. Мы готовы вернуться к этой проблеме и обсудить ее отдельно как специфическую и крайне важную. Помимо общих тенденций, обратимся также к практикам конкретных медиа и их типам. Выделим лишь некоторые, наиболее показательные из них.

Интернет-СМИ – пожалуй, их взрывное развитие внесло наиболее заметный вклад в развитие того, что мы по традиции называем социальной журналистикой. Социальным и гуманитарным мы считаем этот контент по предметно-тематическому профилю; в реальности его довольно часто производят любители, заинтересованные граждане – по качеству он не только не уступает, но подчас и превосходит профессиональный журналистский. Как правило, это тематически специализированные СМИ, адресованные мотивированной аудитории. В качестве примера: на просторах российского Интернета расположились десятки медиапроектов для родителей, продвигающих идеи ответственного родительства: «Мода на счастье подразумевает <...> получение удовольствия от времени, проведенного с ребенком» (Чернова, Шпаковская, 2020: 8). В реальности подобных гуманитарных медиапроектов, существенно продвинувших потребность аудитории в удовлетворении своих информационных нужд, сотни. В этом же направлении действуют многочисленные телеграм-каналы.

Пресса НКО – тема, ждущая своего исследователя. История взаимодействия НКО и СМИ весьма поучительна. На заре своего существования некоммерческие организации были слабы и не привлекали внимания журналистов, на что общественники регулярно жаловались (Антонов (сост.), 2002). В дальнейшем появились так называемые гражданские приложения (Фролова, 2014), отчасти приблизившие аудиторию к инициативам НКО, их сайты,

выполнявшие коммуникационные функции, плавно превращавшиеся в самостоятельные СМИ, которые делали сами общественники; им помогали *IT*-специалисты. Гражданское общество, об отсутствии, слабости или сомнительных целях которого продолжают рассуждать политики всех направлений, развивается вопреки неблагоприятным отзывам и прогнозам, постоянно возникающим правовым, экономическим и иным барьерам: сегодня мы видим не только популярные СМИ о гражданском обществе, но и отмечаем многочисленные успешные коллаборации между журналистами и СМИ, среди которых немало региональных.

Корпоративные медиа – эта группа СМИ неожиданно развернулась в сторону не только своей внутренней аудитории, но и к обществу в целом: бренд-журналистика стремительно набирает обороты, представляя образцы достаточно качественной журналистики. Также малоисследованная в научном плане тема.

Общеполитические газеты и журналы – оставаясь примером наиболее качественного контента, эти традиционные СМИ в основном преодолели свойственные им ранее недостатки и по-прежнему лидируют в продвижении, презентации и развитии гуманитарной медиаповестки.

Телеканалы – эта медиаплощадка не заслуживает высоких позитивных оценок: в основном гуманитарные темы остаются объектом манипуляций различного, в основном коммерческого и политического свойства. Однако нельзя не упомянуть телевизионную журналистику, аудиторией которой по-прежнему остается не менее половины национальной аудитории.

Если сопоставить развитие коммуникативных стратегий в социальной журналистике на различных этапах, то можно наблюдать медленную, противоречивую, но все же отчетливую динамику: от хаотичности к осознанию смысла и целей, к переносу содержательных акцентов на личность и условия ее развития. Выстраиваются предметные линии, наглядно и конкретно демонстрирующие перемещение акцентов:

– информационный монолог власти → новости с человеческим лицом → гражданская журналистика;

– упрощения и сенсации → ситуативный анализ, репортаж → социальные проекты;

– негативизм → позитивный анализ → социальное расследование;

– дегероизация → очерки, житейские истории → новая личность и история ее успеха;

– некомпетентность → профессиональные конкурсы и семинары → полномасштабная программа специальной подготовки.

«Люди – это настоящее богатство»?

Завершить настоящий обзор мы хотели бы обращением к актуальному медиаконтенту в целом, к его состоянию и связям нашего непосредственного объекта, гуманитарной медиаповестки, с другими предметно-тематическими направлениями в практике российских СМИ и гражданских коммуникаций. Ранее мы стремились к обособлению основных повесток, к определению их границ – в научно-исследовательских целях. Такое разделение имело свои основания. Журналистика отражает действительность в формах, близких к ее реальному бытию («жизнеподобие», по определению С. Г. Корконосенко; «ситуативность», по версии Г. В. Лазутиной), т. е. в темах журналистских материалов находят воплощение различные стороны («сферы») жизни; при этом медиаконтент, при всей своей природной фрагментарности, не хаотичен. Он систематизирован с помощью разделов, рубрик и пр., выполняющих навигационную для аудитории функцию. Жанровая структура, типологизация медиа также преследуют цели упорядочения, направлены на социальную ориентацию общества. Переплетаясь в реальности, тематические повестки разделены в медиарепрезентациях. Подобное разведение важно и для журналистов: специализация и профилирование дают возможность основательнее разобраться в проблемах действительности. Открытие множества новых источников информации, снятие идеологических барьеров позволило существенно расширить широту и глубину традиционных тематик, открыть новые. Что касается социальной журналистики, то ее облик претерпел существенные изменения и потребовал «отдельности», самостоятельности, серьезного отношения, которые не позволили бы ей раствориться в других темах, как это было раньше.

Однако двадцатилетие, о котором идет речь, создало новую ситуацию. Теперь актуально сближение повесток, включая гуманитарную. Состоявшись как зрелые, сложившиеся тематические направления, основные тематические повестки обнаружили сходства. Этому способствовали глобальные события последних лет: пандемия, обострение международных отношений, ценностное размежевание крупных мировых сообществ. Конфликт ценностей, принявший глобальный характер, цивилизационное проти-

востояние выдвинули на первый план вопрос о судьбе человечества, о его выживании, о вечных ценностях: «Люди – это настоящее богатство наций, опосредованное нашими отношениями с нашими правительствами, с нашей природной средой и друг с другом»[5].

Эта главная тема нашла отражение в динамике основных медиаповесток российских общенациональных СМИ, что подтверждено измерениями и расчетами, осуществленными с использованием вычислительных систем. Разработав комплекты ключевых слов (по каждой сфере – несколько десятков понятий с опорой на словари, энциклопедии, учебники), мы выявили примерное количество текстов по основным тематикам на протяжении пяти лет (Фролова, Кажберова, 2024). Результаты таковы: все основные повестки количественно снижаются, однако соотношение между ними остается неизменным. Примерно треть информационного пространства остается «свободной» от традиционных тем. Чем же она наполнена? По нашему мнению, это место занято контентом, отражающим события и процессы первостепенной значимости в его принципиально новом качестве. Событийный ряд отражает чрезвычайность и невероятность происходящего, его непредсказуемость, потенциальную гибельность. Однако подтекст у этих событий общий – судьба человека и человечества, а сегодня и проблема выживания планеты. Отсюда сближение повесток, взаимопроникновение, презентация всех событий через призму ценности жизни, независимо от вербальной представленности или отсутствия таковой в медиатекстах. Следовательно, этот процесс имеет не только внешнюю новостную составляющую, но и аксиологическую, глубоко внутреннюю, национальную. Именно этот фактор сблизил политику и культуру, науку и спорт, «раскидал» одни и те же рубрики по разным разделам.

Актуальные текущие события настолько судьбоносны, что они меняют традиционные повестки, сближают их на основе всеобщей значимости происходящего. И этот общий смысл имеет ценностный гуманитарный характер, что и обусловливает генерализацию социальной журналистики.

Заключение

Итак, наша попытка представить современную историю социальной журналистики и ее достижения, логично вливающаяся в дискуссию о тематических повестках в российских СМИ, приве-

ла к выделению некоторых процессов в актуальном состоянии медиаконтента. Оно далеко не дискретно, но все же может наблюдаться в течение последних неспокойных лет. Мы имеем в виду следующее: *секвестирование* традиционных повесток, *миграцию* ведущих рубрик, *диффузию* основных повесток, *генерализацию* гуманитарной повестки. Последнее особенно важно. Событийная составляющая выводит на первый план политику, политическую повестку. Очевидность, как мы полагаем, глубинной сути происходящего не отражает. За привычным фасадом политического тезауруса скрыты глубинные, гуманитарные, ценностные смыслы происходящего. Сближение тематических повесток, в определенном смысле их диффузия, генерализация гуманитарного подтекста, наблюдаемая в СМИ «общего интереса», как теперь принято говорить, ставят вопрос о разработке современной концепции общественно-политической журналистики, которая является не просто суммой основных повесток, но их взаимодействием и взаимопроникновением, предполагающим существенные идеологические и технологические сдвиги. Предвидя возражения о том, что такая концепция уже имеется в фундаментальных работах прошлых десятилетий, мы намерены представить аргументы в пользу необходимости новых подходов в понимании данного феномена.

Примечания

[1] Агентство социальной информации. Режим доступа: https://www.asi.org.ru/ (дата обращения: 21.05.2023).

[2] РИА «Новости». Режим доступа: РИА Новости – события в Москве, России и мире сегодня: темы дня, фото, видео, инфографика, радио. Режим доступа: https://ria.ru/ (дата обращения: 21.05.2023).

[3] *Фролова Т. И., Темичева Е. В.* Социальная журналистика: дистанционный курс. Режим доступа: www.de.msu.ru (дата обращения: 17.06.2023).

[4] Доклад о человеческом развитии 2021/2022. Неопределенные времена, неустроенные жизни: создавая будущее в меняющемся мире. Режим доступа: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22overviewrupdf.pdf (дата обращения: 29.05.2023).

[5] Там же.

Библиография

Антропова В. В. Концептосфера «духовность» в журналистском дискурсе: экспликация ценностей. Челябинск: Изд-во Челябинск. гос. ун-та, 2022.

Барулин В. С. Социально-философская антропология: человек и общественный мир. М.: Альма матер: Академический проект, 2007.

Баутина П. В. Журналистика как средство конструирования социальных проблем: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009.

Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-PRESS, 1971.

Бережная М. А. Проблемы социальной сферы в алгоритмах телевизионной журналистики. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2009.

Бережная М. А. Социальная тележурналистика. СПб.: Роза мира, 2005.

Вартанова Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М.: МедиаМир, 2013.

Вартанова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019.

Вартанова Е. Л. Теория СМИ. Актуальные вопросы. М.: МедиаМир, 2009.

Гатилин А. С. Социальные проекты СМИ как инструмент развития местных сообществ: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.

Гонтмахер Е. Ш. Социальная политика в России: уроки 90-х. М.: Гелиос АРВ, 2000.

Горохов В. М., Гринберг Т. Э. Гуманизация массовых информационных процессов в рамках открытого общества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2003. № 4. С. 22–27.

Горчева А. Ю. Нищенство и благотворительность в России. Российский журнал как источник сведений о социальных приоритетах общества. М.: Духовное возрождение, 2013.

Дзялошинский И. М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям. М.: Престиж, 2006.

Есин Б. И. Репортажи В. А. Гиляровского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.

Жирков Г. В. Ценности советской эпохи в журналистике: динамика теории и газетной практики // Журналистика. Общество. Ценности. СПб.: Петрополис, 2012. С. 18–75.

Жуков В. И. Российские преобразования: социология, экономика, политика. М.: Академический проект, 2003.

Журналистика социальной сферы / под ред. *В. И. Новикова, Н. В. Старостенкова*. М.: Российский государственный социальный университет, 2008.

Журналистика. Общество. Ценности / под ред. *В. А. Сидорова*. СПб.: Петрополис, 2012.

Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.

Иваницкий В. Л. Модернизация журналистики: методологический этюд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.

Иванян Р. Г. Журналистика и социальная работа: природа и опыт институционального взаимодействия (Россия, конец XX – начало XXI века): дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2007.

Исследования журналистского творчества: современные подходы. Памяти А. А. Тертычного / отв. ред. *О. В. Смирнова*. М.: Фак. журн. МГУ, 2021.

Казаков А. А. Политическая теория и практика медийной грамотности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2019.

Казаков А. А. Теория установления повестки дня *vs* фрейминг: к вопросу о соотношении подходов // Полития. 2015. № 1 (76). С. 103–113.

Колесниченко А. В. Основы журналистской деятельности. М.: Юрайт, 2018.

Коломиец В. П. Медиатизация медиа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2020.

Корконосенко С. Г. Асоциальность прессы и отклоняющееся поведение журналистов // Журналистика в переходный период: проблемы и перспективы. М.: Фак. журн. МГУ, 1998. С. 17–27.

Корконосенко С. Г. Теория журналистики: моделирование и применение. М.: Логос, 2010.

Ломоносов М. В. О сохранении и размножении российского народа // Ломоносов М. В. о сохранении русского народа. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. С. 15–35.

Массмедиа и ценностные отношения общества / под ред. *Г. В. Лазутиной*. М.: МедиаМир, 2013.

Минаева О. Д. Формирование и развитие системы периодических изданий для советских женщин в 1917–1941 гг.: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016.

Миронова О. С. Медиатизация российской реформы здравоохранения: опыт печатных СМИ: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.

НКО И СМИ: мостик через пропасть: практ. пособие для некоммерческих организаций / сост. *Д. Антонов*. М.: АСИ, 2002.

Осипов Г. В. Социология и социальное мифотворчество. М.: Норма, 2002.

Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985.

Радищев А. Н. О человеке, о его смертности и бессмертии // *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. С. 38–141.

Россия: преодоление национальной катастрофы. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1998 году / под ред. *Г. В. Осипова*. М.: РИЦ ИСПИ, 1999.

Рывкина Р. В. Драма перемен. М.: Дело, 2001.

Рывкина Р. В. Социология российских реформ. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2004.

Свитич Л. Г. Журнализм как аксиологический феномен // Массмедиа и ценностные отношения общества. М.: МедиаМир, 2013. С. 67–77.

Свитич Л. Г. Социология журналистики. М.: Юрайт, 2022.

Сидоров В. А. Аксиология журналистики. СПб.: Петрополис, 2016.

Современная журналистика: теория и практика в условиях цифровизации / отв. ред. *Т. И. Фролова*. М.: Фак. журн. МГУ, 2021.

Социальная журналистика: антология возрождения. М.: Центр развития «Сопричастность», 2002.

Социальная журналистика: профессия и позиция / сост. *А. Севортьян*. М.: АСИ, 2005.

Социология журналистики / под ред. *С. Г. Корконосенко*. М.: Юрайт, 2016.

Стебловская С. Б. Специфика освещения социальной проблематики в региональных СМИ (на примере мурманской радиостанции «Большое радио») // Мир науки, культуры, образования. 2019. Т. 2. № 75. С. 551–553.

Стрига Е. А. Репрезентация ценностей здорового образа жизни в региональной прессе России: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

Стровский Д. Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода (1917–1985 гг.): дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2001.

Фомичёва И. Д. СМИ как партиципарные коммуникации: дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. М., 2002.

Фролова Т. И. Гуманитарная повестка российских СМИ: теоретическая модель, журналистские практики, стратегии развития: дис. … д-ра филол. наук. М., 2015.

Фролова Т. И. Практика гражданских коммуникаций в цифровой среде: опыт систематизации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2014. № 2. С. 29–47.

Фролова Т. И., Кажберова В. В. Отечественный медиаконтент: динамика основных повесток // Научно-техническая информация. 2024. № 2. (В печати)

Чепкина Э. В. Социальная журналистика. Проблемы толерантности в СМИ. М.: Юрайт, 2018.

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Детоцентризм как универсальный код российского гендерного порядка // СоциоДиггер. 2020. Т. 1. Вып. 2. С. 4–8.

Шевцова Т. В. Регулирование социальной сферы крупного города: дис. ... канд. эконом. наук. СПб., 1998.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2008.

Notes

Agentstvo sotsial’noy informatsii [Social Information Agency]. Available at: Agentstvo social`noj informacii (asi.org.ru) (accessed: 21.05.2023).

Doklad o chelovecheskom razvitii 2021/2022. Neopredelenny`e vremena, neustroenny`e zhizni: sozdavaya budushhee v menyayushhemsya mire [Human Development Report 2021/2022. Uncertain Times, Unsettled Lives: Shaping Our Future in a Transforming World]. Available at: https://hdr.undp.org/

system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22overviewrupdf.pdf (accessed: 29.05.2023).

Frolova T. I., Temicheva E. V. *Sotsial'naya zhurnalistika: distantsionnyy kurs* [Social Journalism: a distance learning course]. Available at: www.de.msu.ru (accessed: 17.06.2023).

RIA «Novosti» [RIA Novosti]. Available at: RIA Novosti – sobytiya v Moskve, Rossii i mire segodnya: temy` dnya, foto, video, infografika, radio (ria.ru) (accessed: 21.05.2023).

References

Antonov D. (ed.) (2002) *NKO I SMI: mostik cherez propast': prakticheskoe posobie dlya nekommercheskikh organizatsiy* [NKO and Mass Media: Bridging the Gap. A Practical Guide for Non-Profit Organizations]. Moscow: Social Information Agency Publ. (In Russian)

Antropova V. V. (2022) *Kontseptosfera «dukhovnost'» v zhurnalistskom diskurse: eksplikatsiya tsennostey* [Conceptosphere "Spirituality" in the Journalistic Discourse: Explication of Values]. Chelyabinsk: Chelyabinsk St. Univ. Publ. (In Russian)

Barulin V. S. (2007) *Sotsial'no-filosofskaya antropologiya: chelovek i obshchestvennyy mir* [Socio-Philosophical Anthropology: Man and the Social World]. Moscow: Al'ma mater: Akademicheskiy proekt Publ. (In Russian)

Bautina P. V. (2009) *Zhurnalistika kak sredstvo konstruirovaniya sotsial'nykh problem:* dis. ... kand. filol. nauk. [Journalism as a Means of Constructing Social Problems: PhD philol. sci. diss.] Kazan. (In Russian)

Berdyaev N. A. (1971) *Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka* [The Russian Idea. The Main Problems of Russian Thought of the 19th Century and the Early 20th Century]. Paris: YMCA-PRESS Publ. (In Russian)

Berezhnaya M. A. (2005) *Sotsial'naya telezhurnalistika* [Social TV Journalism]. St. Petersburg: Roza mira Publ. (In Russian)

Berezhnaya M. A. (2009) *Problemy sotsial'noy sfery v algoritmakh televizionnoy zhurnalistiki* [Problems of the Social Sphere in Algorithms of Television Journalism]. St. Petersburg: St. Petersburg St. Univ. Publ. (In Russian)

Chepkina E. V. (2018) *Sotsial'naya zhurnalistika. Problemy tolerantnosti v SMI* [Social Journalism. Problems of Tolerance in Mass Media]. Moscow: Yurayt Publ. (In Russian)

Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. (2020) Detotsentrizm kak universal'nyy kod rossiyskogo gendernogo poryadka [Detocentrism as a Universal Code of the Russian Gender Order]. *SocioDigger* 1 (2): 4–8. (In Russian)

Dzyaloshinskiy I. M. (2006) *Zhurnalistika souchastiya. Kak sdelat' SMI poleznymi lyudyam* [Participatory Journalism. How to Make Mass Media Useful to People]. Moscow: Prestizh Publ. (In Russian)

Esin B. I. (1985) *Reportazhi V. A. Gilyarovskogo* [Reports by V. A. Gilyarovsky]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ. (In Russian)

Fomicheva I. D. (2002) *SMI kak partitsiparnye kommunikatsi:* dis. v vide nauch. dokl. ... d-ra filol. nauk. [Mass Media as Participatory Communications: Dr. philol. sci. diss. in the form of scientific reports]. Moscow. (In Russian)

Frolova T. I. (2014) Praktika grazhdanskikh kommunikatsiy v tsifrovoy srede: opyt sistematizatsii [The Practice of Civil Communications in the Digital Environment: the Experience of Systematization]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 2: 29–47. (In Russian)

Frolova T. I. (2015) *Gumanitarnaya povestka rossiyskikh SMI: teoreticheskaya model', zhurnalistskie praktiki, strategii razvitiya*. Dis. ... d-ra filol. nauk. [The Humanitarian Agenda of Russian Mass Media: the Theoretical Model, Journalistic Practices, Development Strategies. Dr. philol. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Frolova T. I. (ed) (2021) *Sovremennaya zhurnalistika: teoriya i praktika v usloviyakh tsifrovizatsii* [Modern Journalism: Theory and Practice in the Context of Digitalization]. Moscow: Faculty of Journalism Moscow St. Univ. Publ. (In Russian)

Frolova T. I., Kazhberova V. V. (2024) Otechestvennyj mediakontent: dinamika osnovnyh povestok [Domestic Media Content: Dynamics of the Main Agendas]. *Nauchno-tekhnicheskaya informaciya* 2. (In print) (In Russian)

Gatilin A. S. (2022) *Sotsial'nye proekty SMI kak instrument razvitiya mestnykh soobshchestv*: dis. ... kand. filol. nauk. [Social projects of Mass Media as a Tool for the Development of Local Communities: PhD philol. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Gontmakher E. Sh. (2000) *Sh. Sotsial'naya politika v Rossii: uroki 90-kh* [Social Policy in Russia: Lessons of the 90s]. Moscow: Gelios ARV Publ. (In Russian)

Gorcheva A. Yu. (2013) *Nishchenstvo i blagotvoritel'nost' v Rossii. Rossiyskiy zhurnal kak istochnik svedeniy o sotsial'nykh prioritetakh obshchestva* [Pauperism and Charity in Russia. Russian Journals as a Source of Information About Societal Social Priorities]. Moscow: Dukhovnoe vozrozhdenie Publ. (In Russian)

Gorokhov V. M., Grinberg T. E. (2003) Gumanizatsiya massovykh informatsionnykh protsessov v ramkakh otkrytogo obshchestva [Humanization of Mass Information Processes Within an Open Society]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 4: 22–27. (In Russian)

Ivanitskiy V. L. (2010) *Modernizatsiya zhurnalistiki: metodologicheskiy etyud* [Modernization of Journalism: a Methodological Etude]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ. (In Russian)

Ivanyan R. G. (2007) *Zhurnalistika i sotsial'naya rabota: priroda i opyt institutsional'nogo vzaimodeystviya (Rossiya, konec XX – nachalo XXI veka)*. Dis. ... kand. polit. nauk. [Journalism and Social Work: The Nature and Experience of Institutional Interaction (Russia, the Late 20th – Early 21st Century). PhD polit. sci. diss.] St. Petersburg. (In Russian)

Kazakov A. A. (2015) Teoriya ustanovleniya povestki dnya vs freyming: k voprosu o sootnoshenii podkhodov [The Theory of Agenda Setting vs Framing: Towards the Ratio of Approaches]. *Politiya* 1 (76): 103–113. (In Russian)

Kazakov A. A. (2019) *Politicheskaya teoriya i praktika mediynoy gramotnosti* [Political Theory and Practice of Media Literacy]. Saratov: Saratov St. Univ. Publ. (In Russian)

Kolesnichenko A. V. (2018) *Osnovy zhurnalistskoy deyatel'nosti* [Fundamentals of Journalistic Activity]. Moscow: Yurayt Publ. (In Russian)

Kolomiets V. P. (2020) *Mediatizatsiya media* [Mediatization of Media]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ. (In Russian)

Korkonosenko S. G. (1998) Asotsial'nost' pressy i otklonyayushcheesya povedenie zhurnalistov [Asociality of the Press and Journalists' Deviant Behavior]. *Zhurnalistika v perekhodnyy period: problemy i perspektivy*. Moscow: Faculty of Journalism Moscow St. Univ. Publ. Pp. 17–27. (In Russian)

Korkonosenko S. G. (2010) *Teoriya zhurnalistiki: modelirovanie i primenenie* [Journalism Theory: Modeling and Application]. Moscow: Logos Publ. (In Russian)

Korkonosenko S. G. (ed.) (2016) *Sotsiologiya zhurnalistiki* [Sociology of Journalism]. Moscow: Yurayt Publ. (In Russian)

Lazutina G. V. (ed.) (2013) *Massmedia i tsennostnye otnosheniya obshchestva* [Mass Media and Value Relations of Society]. Moscow: MediaMir Publ. (In Russian)

Lomonosov M. V. (2011) O sokhranenii i razmnozhenii rossiyskogo naroda [About the Preservation and Reproduction of the Russian People]. *Lomonosov M. V. o sokhranenii russkogo naroda*. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ. Pp. 15–35. (In Russian)

Minaeva O. D. (2016) *Formirovanie i razvitie sistemy periodicheskikh izdaniy dlya sovetskikh zhenshchin v 1917–1941 gg.*: dis. ... d-ra filol. nauk. [Formation and Development of the System of Periodicals for Soviet Women in 1917–1941: Dr. philol. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Mironova O. S. (2017) *Mediatizatsiya rossiyskoy reformy zdravookhraneniya: opyt pechatnykh SMI*. Dis. ... kand. filol. nauk. [Mediatization of the Russian Healthcare Reform: the Experience of Print Media. PhD philol. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Novikov V. I., Starostenkov N. V. (eds.) (2008) *Zhurnalistika sotsial'noy sfery* [Social Journalism]. Moscow: Russian St. Social Univ. Publ. (In Russian)

Osipov G. V. (2002) *Sotsiologiya i sotsial'noe mifotvorchestvo* [Sociology and Social Myth-Making]. Moscow: Norma Publ. (In Russian)

Osipov G. V. (ed) (1999) *Rossiya: preodolenie natsional'noy katastrofy. Sotsial'naya i sotsial'no-politicheskaya situatsiya v Rossii v 1998 godu* [Russia: Overcoming a National Catastrophe. Social and Socio-Political Situation in Russia in 1998]. Moscow: RIC ISPI Publ. (In Russian)

Pechchei A. (1985) *Chelovecheskie kachestva* [Human Qualities]. Moscow: Progress Publ. (In Russian)

Radishchev A. N. (1941) O cheloveke, o ego smertnosti i bessmertii [About Man, About his Mortality and Immortality]. *Radishchev A. N. Poln. sobr. soch.*

Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. Pp. 38–141. (In Russian)

Ryvkina R. V. (2001) *Drama peremen* [The Drama of Change]. Moscow: Delo Publ. (In Russian)

Ryvkina R. V. (2004) *Sotsiologiya rossiyskikh reform* [Sociology of Russian Reforms]. Moscow: HSE University Publ. (In Russian)

Sevort'yan A. (ed.) (2005) *Sotsial'naya zhurnalistika: professiya i pozitsiya* [Social Journalism: Profession and Position]. Moscow: Social Information Agency Publ. (In Russian)

Shevcova T. V. (1998) *Regulirovanie sotsial'noy sfery krupnogo goroda:* dis. ... kand. ekonom. nauk [Regulation of the Social Sphere of a City: PhD econom. sci. diss.] St. Petersburg. (In Russian)

Sidorov V. A. (2016) *Aksiologiya zhurnalistiki* [Axiology of Journalism]. St. Petersburg: Petropolis Publ. (In Russian)

Sidorov V. A. (ed.) (2012) *Zhurnalistika. Obshchestvo. Tsennosti* [Journalism. Society. Values]. St. Petersburg: Petropolis Publ. (In Russian)

Smirnova O. V. (ed.) (2021) *Issledovaniya zhurnalistskogo tvorchestva: sovremennye podkhody. Pamyati A. A. Tertychnogo* [Studies of Journalistic Creative Work: Modern Approaches. In memory of A. A. Tertychny]. Moscow: Faculty of Journalism Moscow St. Univ. Publ. (In Russian)

Sotsial'naya zhurnalistika: antologiya vozrozhdeniya (2002) [Social Journalism: An Anthology of Revival]. Moscow: Development Center «Sopricchastnost'» Publ. (In Russian)

Steblovskaya S. B. (2019) Spetsifika osveshcheniya sotsial'noy problematiki v regional'nykh SMI (na primere murmanskoy radiostantsii «Bol'shoe radio») [Coverage of Social Issues in Regional Mass Media (a Case Study of the Murmansk Radio Station Bolshoe Radio)] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* 2 (75): 551–553. (In Russian)

Striga E. A. (2021) *Reprezentatsiya tsennostey zdorovogo obraza zhizni v regional'noy presse Rossii*]: dis. ... kand. filol. nauk [Representation of the Values of a Healthy Lifestyle in the Russian Regional Press: PhD philol. sci. diss. Moscow. (In Russian)

Strovskiy D. L. (2001) *Otechestvennye politicheskie traditsii v zhurnalistike sovetskogo perioda (1917–1985 gg.)*: dis. ... d-ra polit. nauk [Domestic Political Traditions in Journalism of the Soviet period (1917–1985): Dr. polit. sci. diss.] Ekaterinburg. (In Russian)

Svitich L. G. (2013) Zhurnalizm kak aksiologicheskiy fenomen [Journalism as an Axiological Phenomenon]. *Massmedia i tsennostnye otnosheniya obshchestva*. Moscow: MediaMir Publ. Pp. 67–77. (In Russian)

Svitich L. G. (2022) *Sotsiologiya zhurnalistiki* [Sociology of Journalism]. Moscow: Yurajt Publ. (In Russian)

Shtompka P. (2008) *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of Modern Society]. Moscow: Logos Publ. (In Russian)

Vartanova E. L. (2009) *Teoriya SMI. Aktual'nye voprosy* [Media Theory. Topical Issues]. Moscow: MediaMir Publ. (In Russian)

Vartanova E. L. (2013) *Postsovetskie transformatsii rossiyskikh SMI i zhurnalistiki* [Post-Soviet Transformations of Russian Mass Media and Journalism]. Moscow: MediaMir Publ. (In Russian)

Vartanova E. L. (2019) *Teoriya media: otechestvennyy diskurs* [Media Theory: the Domestic Discourse]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ. (In Russian)

Zaslavskaya T. I. (2002) *Sotsietal'naya transformatsiya rossiyskogo obshchestva: deyatel'no-strukturnaya kontseptsiya* [Societal Transformation of Russian Society: an Activity-Structural Concept]. Moscow: Delo Publ. (In Russian)

Zaslavskaya T. I. (2004) *Sovremennoe rossiyskoe obshchestvo. Sotsial'nyy mekhanizm transformatsii* [Modern Russian Society. The Social Mechanism of Transformation]. Moscow: Delo Publ. (In Russian)

Zhirkov G. V. (2012) Tsennosti sovetskoy epokhi v zhurnalistike: dinamika teorii i gazetnoy praktiki [Values of the Soviet Era in Journalism: Dynamics of Theory and Newspaper Practice]. *Zhurnalistika. Obshchestvo. Tsennosti*. St. Petersburg: Petropolis Publ. Pp. 18–75. (In Russian)

Zhukov V. I. (2003) *Rossiyskie preobrazovaniya: sotsiologiya, ekonomika, politika* [Russian Transformations: Sociology, Economics, Politics]. Moscow: Akademicheskiy proekt Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
10.07.2023